

СУВОРОВ vs КОСТЮШКО

«ЗАБЫТЫЕ» ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ 1794 ГОДА В БЕЛАРУСИ

В сентябре 2009 года в Швейцарии широко отмечали 210-ю годовщину знаменитого перехода армии Александра Суворова через Альпы. В далекой горной стране российскому полководцу установлено сразу несколько памятников, в том числе грандиозный мемориальный крест на перевале Сен-Готард. Осень – памятная пора и для суворовской эпопеи в Беларуси. Именно в эти месяцы 215 лет назад проходили заключительные сражения восстания под предводительством Тадеуша Костюшко. Главным действующим лицом, добившимся перелома в ходе боевых действий в пользу российских войск, стал именно Александр Васильевич Суворов. В результате Речь Посполитая перестала существовать, а земли Беларуси вошли в состав Российской империи.

КТО БОЛЕЕ МАТЕРИ-ИСТОРИИ ЦЕНЕН?

В последнее время в националистических кругах принято чрезмерно демонизировать фигуру выдающегося русского полководца. Каких только эпитетов в его адрес не услышишь! Он и «кровавый мясник», и «душитель свободы», он же «принес крепостное право в Беларусь».

Пиком антисуворовской истерии (по-другому и не скажешь) стала кампания, развернутая некоторыми «представителями общественности» в 2007 году против строительства в Кобрине православного храма, который местная церковная община посвящала памяти А.В. Суворова. Тогда Алесь Пашкевич, Владимир Орлов, Олег Трусов со товарищи буквально смешивали имя полководца с грязью. Появились даже листовки, в которых утверждалось, будто суворовские солдаты насаживали белорусских детей на пики и штыки и так ходили по городам и селам. В прессе можно встретить и утверждения о том, что войска Суворова прошли по Беларуси кровавым маршем, оставляя за собой лес из виселиц.

Представители оппозиции подсчитали, сколько в Беларуси улиц, памятников, колхозов и совхозов, названных в честь

А.В. Суворова. Естественно, все их призывают переименовать. Постоянно звучат требования и о смене названия Минского суворовского военного училища.

С Тадеушем Костюшко история несколько иная. До начала 90-х годов XX столетия мало кто на земном шаре сомневался в польском происхождении Костюшко. Но при этом даже в советские времена не являлось тайной, что родился выдающийся польский военачальник в Беларуси. Об этом писали в учебниках истории, научных публикациях. С 1994 года, когда отмечался 200-летний юбилей восстания под его руководством, все чаще звучат утверждения, что Тадеуш Костюшко на самом деле белорус и сражался за свободу нашей страны. Стали появляться улицы имени Костюшко, устанавливаться памятники, в его честь выпустили даже юбилейную марку.

Белорусский поэт Леонид Дайнеко посвятил этой теме стихотворение с красноречивым названием «Патриотический тест»:

Вызначым (не трэба кворум)

Хто ёсць вы і ваш народ –

Патрыёт для вас Сувораў

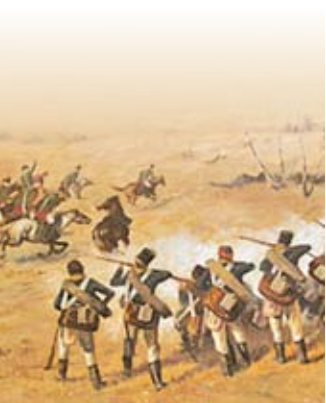
Ці Касцюшка патрыёт?

Так давайте же вслед за поэтом и мы обострим вопрос и попытаемся разобраться, кто же для Беларуси более ценен: Суворов или Костюшко?

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ. НО КАКОГО НАРОДА?

Даже сторонники концепции литвинизма с трудом могут найти аргументы, чтобы доказать, что Т. Костюшко и его сподвижники отстаивали идею независимости Великого княжества Литовского. И все же такие попытки предпринимаются. При этом обычно используется несколько аргументов. Во-первых, происхождение самого начальника восстания из старинного белорусского шляхетского рода Костюшек-Сехновицких. Во-вторых, его место рождения – поместье

Фрагмент росписи в часовне на месте Крупчицкой битвы

Меречевщина, неподалеку от Коссово (теперь Ивацевичский район). В-третьих, текст обращения Т. Костюшко «К гражданам литовским и порядковым комиссиям» от 2 июня 1794 года. В нем начальник восстания писал: «Литва! Славная борьбой и гражданственностью, долго несчастливая через собственных сыновей измены, обещаю стать среди вас с благодарностью за доверие ваше ко мне, если позволят мне военные обстоятельства... кто же я есть, как не литвин, земляк ваш, вами избранный?» [1, с. 73]. На этом основании некоторые публицисты делают вывод о том, что речь шла о борьбе за независимость Беларуси, отождествляемой с Литвой. Но теория о «белорусскости» Т. Костюшко не выдерживает критики. Как ни прискорбно это звучит, к концу XVIII века Беларусь не выступала не только как независимое государство, но даже в принципе как субъект политических отношений. После Люблинской унии 1569 года происходила стремительная полонизация шляхетского сословия и значительной части горожан ВКЛ. В 1696 году был запрещен старобелорусский язык. Полонизация не обошла стороной и семью Костюшко. Сам Тадеуш, обучавшийся в пиарской коллегии, где преподавание проходило на латинском и польском языках, и Рыцарской школе в Варшаве, был совершенным поляком по своему самосознанию. В том же обращении от 2 июня он упоминает о ВКЛ лишь как о своей малой родине, несколько отстраненно: «Литва! Земляки и соотечественники мои! На вашей родине я земле и в запале праведном для моего Отечества откликается во мне особенная приязнь к тем, среди кого пустил корни жизни» [1, с. 73]. Само обращение было не более чем пропагандистской прокламацией, призванной активизировать деятельность повстанцев на территории ВКЛ. Кстати, с подобным обращением «К гражданам бывшего Великопольского княжества Литовского» в апреле 1919 года выступил другой польский «начальник» – Ю. Пилсудский. Этот господин также, бывало, называл себя литвином, поскольку родился на Виленщине. Для белорусов эта «литвинская ностальгия» очередного польского «начальника» окончилась закрытием национальных школ и газет, арестами лидеров освободительного движения и массовой полонизацией.

Александр Суворов

Тадеуш Костюшко

Одной из главных целей повстанцев Т. Костюшко было восстановление Конституции Речи Посполитой 3 мая 1791 года, которая фактически ликвидировала даже призрачную автономию ВКЛ, превратив его в одну из провинций Польского государства. В конституции упоминается исключительно польский народ, а название «Польша» неоднократно приводится как синоним Речи Посполитой [2].

Ни о какой независимости ВКЛ, а тем более Беларуси не могло быть и речи. Об этом даже никто не задумывался! Как только в главной ставке Т. Костюшко заподозрили Вильно в некоем призрачном сепаратизме, как тут же, 4 июня 1794 года, отстранили Я. Ясинского от поста главнокомандующего в Литве, а Наивысшую литовскую раду распустили, заменив ее Центральной депутацией ВКЛ, полностью подчиненной Варшаве. Все поветовые порядковые комиссии утверждались в польской столице. Да и пресловутый сепаратизм Я. Ясинского проявлялся, скорее, в крайнем революционном радикализме, наподобие французского якобинства, в своеволии и неподчинении приказам начальника восстания, то есть самого Т. Костюшко. Ведь Я. Ясинский, которого кое-кто спешит записать едва ли не в первые «белорусские» революционеры, был поляком не только по самосознанию, но и по происхождению: он родился в Познанском воеводстве в семье польских шляхтичей. Все документы повстанцев в ВКЛ составлялись исключительно на польском языке, они буквально пропитаны идеями «польскости». Так, в обвинении, вынесенном последнему великому гетману ВКЛ

Якуб Ясинский

Михал Клеофас
Огинский

Кароль
Сераковский

Ш.М. Косаковскому, говорилось о том, что он применял «насилие с отвращением ко всем правам польским» [1, с. 58]. Руководители восстания в Меречском воеводстве ВКЛ (теперь это территория Литовской Республики) писали: «Помните о том, что призванный на это святое дело обыватель так обязан действовать, как почтенный поляк, защитник славы, вольности, целостности и независимости» [3, с. 95–96]. Сам Т. Костюшко не ставил под сомнение польский характер восстания. 25 марта 1794 года в своем знаменитом универсале о начале восстания он обратился с призывом ко «всем воеводским генералам, командующим войсками республики польской» [4, с. 11].

Чтобы не возникало иллюзий относительно того, что ожидало бы Беларусь в случае победы восстания, следует привести и такой факт. Один из руководителей повстанцев в ВКЛ М.К. Огинский, автор известного полонеза, в октябре 1811 года подал российскому императору Александру I письмо с проектом указа о новой организации западных губерний империи. По этому документу предполагалось восстановить Великое княжество Литовское. Однако, по замыслу М.К. Огинского, официальным языком в этом государстве должен был стать польский. В еще одной записке на имя российского императора от 1 декабря 1811 года, а также во время личной аудиенции у Александра I в конце января 1812 года М.К. Огинский уточнил, что восстановление ВКЛ станет первым шагом к возрождению Польского государства и Конституции 3 мая 1791 года. При этом он предлагал императору принять титул польского короля и заключить российско-польскую унию [5, с. 94–95]. Так что, кто бы сейчас ни предлагал сделать полонез Огинского белорусским гимном, сам Михал Клеофас точно знал имя своей Отчизны, с которой так проникновенно прощался в своем произведении. И имя это вовсе не Беларусь. ВКЛ для повстанцев 1794 года, как и для всей многочисленной шляхты Речи Посполитой, представлялось обширной провинцией единого Польского государства. Да, со своими региональными отличиями, со своим богатым историческим прошлым, но всего лишь частью Польши, такой же, как, скажем, Мазовия, тоже некогда независимое княжество.

Элита польского общества довольно хорошо представляла себе настроения в низах, а тем более среди белорусских крестьян. Король Станислав Август Понятовский на Четырехлетнем сейме в речи от 6 ноября 1788 года предостерегал членов сейма, что «во время войны с Москвой мы можем иметь от своего хлопа злейшего неприятеля» [6, с. 152]. То же самое касалось и православного населения. Весь XVIII век польские власти преследовали православных жителей, обвиняя их в симпатиях к России. Гонениям подвергался Белорусский митрополит Георгий Конисский. Наместника Киевского митрополита в Слуцке епископа Виктора Садковского в 1789 году бросили по ложному обвинению в тюрьму и держали там без всякого приговора три долгих года, пока его не освободили российские войска.

Ситуация не изменилась и в ходе самого восстания. Правда, некоторые православные, даже священнослужители примкнули к восставшим. Но это скорее исключение, подтверждающее правило.

За время восстания 1794 года на территории Беларуси в нем приняли участие около 30 тыс. человек, из которых большинство составляла шляхта, только треть – крестьяне. Белорусский историк В.П. Емельяничук, отнотившийся с явной симпатией к повстанцам Т. Костюшко, вынужден был признать: «Попытки части руководства восстания замкнуть его только на вопросах «польскости», а также неблагоприятные условия для кардинального решения «крестьянского вопроса» не вели к его победе. Отсюда и относительная пассивность белорусского крестьянства» [1, с. 154].

На самом деле белорусские крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения, не были так уж пассивны. В источниках отмечены неоднократные случаи активного сопротивления, которое местные жители оказывали повстанческим отрядам. Российский генерал В.Х. Дерфельден 25 мая 1794 года писал графу Салтыкову о том, что наблюдает среди крестьян «приверженность более к нам, нежели к полякам» [6, с. 163]. Бригадир Л.Л. Беннигсен доносил из Сморгони своему командованию о массовых выступлениях белорусских крестьян

против восставших шляхтичей. По его словам, жители многих деревень, будучи уверенными, «что оне останутся под защитою России», указывали те места, «где ружья и разная воинская амуниция в земле зарыта была, которую я и получил, как-то: в пиках, саблях, ружьях, пистолетах, штыках немалое число» [6, с. 164.]. Генерал-майор Б.Д. Кнорринг, один из российских военачальников, руководивших подавлением восстания, вспоминал: «...По обнародовании универсалов моих крестьяне, которые уже вооружены были и остались в покое, напали на вооружителей своих и предводителей и не могшие из оных спастись бегством взяты были ими и нам доставлены» [7, с. 94]. Как явствует из отчетов этого же генерала, повстанцы вынуждены были оставить окрестности Слонима не столько вследствие действий российских войск, сколько по причине полной враждебности со стороны местного населения.

В августе 1794 года в обороне русскими войсками крепости Динабург активное участие приняли 170 местных белорусских крестьян. И это не удивительно, поскольку повстанцы под руководством М.К. Огинского, осаждавшие крепость, сжигали крестьянские дворы, вымогали у местных жителей деньги, угрожая полным разорением. Так, с крестьян помещика Зиберха, чье имение располагалось в окрестности Динабурга, повстанцы получили 50 червонцев в качестве контрибуции, сверх того еще 45 рублей в виде поборов, изъяли 7 помещичьих и 5 крестьянских лошадей. Все это сопровождалось массовыми избиениями местных жителей [7, с. 87–88]. Подобные действия были обычной практикой. После одной из своих «партизанских» акций М.К. Огинский возвращался с обозом из 200 крестьянских возов.

Исследователь А. Бензерук справедливо констатирует: «События восстания в очередной раз показали, что для белорусов 1794 год приобрел черты гражданской войны, поскольку наши соотечественники сражались по обе стороны баррикад» [8, с. 199]. И в войсках А.В. Суворова воевали наши земляки. Одним из самых прославленных соединений его армии был Белорусский егерский корпус, состоявший из нескольких батальонов. Воины-белорусцы (так их называли в российской армии) отличались удалью и бесстрашием.

О широком распространении антиповстанческих настроений в Беларуси свидетельствуют не только русские офицеры, но и сами польские инсургенты. Полковник И. Дзялинский показывал впоследствии: «По словам ево же, Краутнера, волнение значило будто бы, что крестьяне хотели взбунтоваться против российских войск. Но Дзялинский почитает сии его известия совсем ложными, ведая известную привязанность крестьян к войскам российским» [7, с. 30]. М.К. Огинский, ворвавшись на территорию, отошедшую к Российской империи после второго раздела, потерпел поражение именно по причине враждебности местных жителей. По его собственным воспоминаниям, ему пришлось отказаться от штурма Минска, поскольку российский губернатор Неплюев привлек к обороне города «большое количество вооруженных крестьян, чтобы их выставить для первой атаки» [9, с. 324].

Даже в Вишнево и Щорсах, где граф Хрептович провел реформы, крестьяне отказывались давать рекрутов и активно выступали против костюшковцев. Ротмистр И. Гойжевский горестно констатировал: в «Вишневе при помощи экзекуции выбираю пехотинцев... Но люди взбунтованы Москвой и не хотят быть послушны... Так же и в Смотовицине и Щорсах хлопцы взбунтовались и не хотят давать рекрутов» [6, с. 163].

Кстати говоря, обычно современные околонучные публицисты обвиняют войска А.В. Суворова в том, что «они принесли на своих штыках рекрутчину». Но рекрутские наборы были введены самими повстанцами Т. Костюшко. Если бы они рассчитывали только на добровольцев, то восстание угадо бы, так и не начавшись.

Однако и с набором рекрутов дело обстояло не лучшим образом. Различные слои общества проявляли индифферентность по отношению если не к идеям, то к участию в восстании. Документы того времени переполнены жалобами, угрозами различных повстанческих представителей, вызванных пассивностью жителей, их нежеланием сражаться против российских войск. В повстанческий центр в Вильно поступали реляции такого содержания: «Люд убегае из Вильно беспрерывно, так что кроме женщин (которые имеют панические

Часовня на месте Крупчицкой битвы (деревня Чижевщина Жабинковского района)

души, а потому разумно, что выезжают этим охвачено множество пригодных к оружию и вооруженных мужчин» [3, с. 95]. Уполномоченный повстанцев Я. Гараин писал брестской комиссии о том, что производит «насилованный набор» рекрутов [7, с. 108].

После поражения в бою у д. Перебрановичи в мае 1794 года от российских войск «польские шляхтичи без особого сопротивления указали на место хранения оружия (пистолеты, пики, ружья) и заявили, что навеки останутся под покровительством России» [6, с. 161].

Косинеры в 1794 году.
Акварель
Михала Стаховича

Сам предводитель восстания вынужден был констатировать провал набора рекрутов в белорусских землях. 12 сентября 1794 года он писал: «Из предназначенных 500 рекрутов для моего обоза от Брест-Литовского воеводства доставлено только 372, остальные – бежали по дороге» [6, с. 163]. В начале августа 1794 года в 3-м

полку литовского авангарда повстанческого отряда генерал-майора П. Грабовского даже вспыхнул бунт, после подавления которого было вынесено пять смертных приговоров, однако не приведенных в исполнение [10].

Крестьяне отказывались идти в армию повстанцев, а шляхта постоянно жаловалась, что земледельцы отрываются от земли [3, с. 19–21, 37–38]. Введенные костюшковцами рекрутские наборы были действительно непосильны для Литвы и западной Беларуси, поскольку здесь в 1793 году имел место сильнейший голод, случившийся вследствие затяжной засухи. Яровые не уродили, сена совсем не было [11, с. 32].

Едва ли не единственным доказательством некоего подобия широкой народной поддержки повстанцев на территории Беларуси являются часто цитируемые свидетельства русского военачальника Н.В. Репнина: «Не против армии здесь война, но против общенародного бунта всего шляхетства и черни, всех явно или тайно вооруженных, которых соответственно, прогнать перед собой нельзя, а всегда они будут оставаться в спине войска, выдавая себя за спокойных обывателей» [8, с. 193]. Однако к этим оценкам российско-

го генерала в принципе следует относиться со значительной долей скепсиса. Как, кстати говоря, и поступали современники. Николай Васильевич Репнин, был, мягко выражаясь, перестраховщиком. Он буквально атаковал Петербург паническими реляциями, основанными на неподтвержденных слухах и домыслах. Уже после подавления восстания Н.В. Репнин выступал против поселения бывшего короля Станислава Августа в Гродно, утверждая, что при свергнутом монархе имеется хорошо вооруженная гвардия из 300–400 человек. В самом городе ему мерещился законспирированный заговор с целью освобождения Понятовского. Репнин предлагал перевести бывшего короля подальше, например, в Ригу. Ни одно из этих опасений, как оказалось, не соответствовало действительности. Вот какую оценку самому Репнину дает один из наиболее авторитетных исследователей той эпохи М. де Пуле: «Хотя князь Репнин приобрел во время войн с турками известность не только боевого генерала, но и отличного полководца, однако же достаточно одного беглого взгляда на его действия в Литве, с первых чисел апреля 1794 г., чтобы убедиться в недостаточности его полководческих способностей: медлительным и осторожным он являлся везде, на каждом шагу, и притом до крайности» [11, с. 27]. Впрочем, даже Н.В. Репнин со временем признал, что местное население все же настроено скорее пророссийски, чем пропольски. Есть у него и такое высказывание, которое почему-то в последнее время практически не цитируют: «Крестьяне более на нашей стороне, нежели мятежников» [6, с. 163].

Необходимо отбросить и всякие спекуляции относительно крепостного права, будто бы «принесенного на суворовских штыках». Крепостное право (прыгон) было окончательно утверждено в ВКЛ по Статуту 1588 года, на полвека раньше, чем в России. И крепостничество в Речи Посполитой было ничем не легче, чем в Российской империи, отягощаясь полным своеволием шляхты и магнатов, дополнительной эксплуатацией со стороны арендаторов. Правда, в «Полонцеком универсале», изданном 7 мая 1794 года, Т. Костюшко провозглашал, что «личность каждого крестьянина является свободной», за крестьянами признавалось наследственное право пользования землей. Однако это

не означало отмены крепостного права. Крестьянин мог уйти от пана при условии выполнения всех повинностей и выплаты долгов, что являлось почти невыполнимым требованием. От барщины освобождались только участники восстания, остальные же должны были «старательно дни барщины, которые остались, отбывать, начальству своему быть послушными» [12, с. 11, 12]. Кроме того, в ряде мест шляхта, участвовавшая в восстании, откровенно саботировала исполнение универсала. Современники писали по этому поводу: «Шляхта в значительной части заявляет: пусть нами управляет москаль, пруссак или австрияк, но мы не освободим хлопов от подданства» [6, с. 161].

В литературе можно встретить постоянные упоминания о большом количестве крестьянских душ, пожалованных в Беларуси русским офицерам и чиновникам. Эти факты приводятся как свидетельство закрепощения белорусского крестьянства. Но русские помещики наделялись землями с крестьянами, вовсе не свободными. До этого они принадлежали российской казне, в распоряжение которой попали после конфискации земель у польских помещиков, отказавшихся присягнуть на верность российской императрице. На 1 июня 1773 года по Могилевской и Псковской губерниям таким образом в собственность государственной казны перешло 95 097 крестьянских душ [13, с. 42–43]. Землями и поместьями, кстати говоря, наделялись далеко не только выходцы из России. Так, 3 декабря 1795 года своим рескриптом Екатерина II повелела литовскому генерал-губернатору вернуть имения всем родственникам бывшего польского короля, а также ряду других видных деятелей Речи Посполитой, в том числе и бывшему гетману литовскому Михалу Казимиру Огинскому.

НЕ ТОЛЬКО СИЛОЮ ОРУЖИЯ

Сразу следует оговориться: безусловно, война есть война. Всегда и во все времена в ходе боевых действий гибнет гражданское население, случаются военные преступления. Даже в мирное время военнослужащие совершают правонарушения, хватают работы для специальных военных прокуратур и судов. Что уже говорить о военном лихолетье в XVIII веке, когда не было никаких

Женевских и Гаагских конвенций, предписывающих правила войны. Поэтому при оценке действий тех или иных войск важнейшим критерием выступают установки и приказы, которые отдавали военачальники.

Все тот же Н.В. Репнин приказывал своим офицерам прежде всего стремиться оберегать крестьян. Реквизиции продовольствия и фуража предписывалось делать преимущественно у шляхты. Крестьян, которые добровольно покинули повстанческие отряды, рекомендовалось обязательно вознаграждать деньгами и отпускать на волю [1, с. 132]. Сам Суворов в своей знаменитой «Науке побеждать» учил солдат: «Обывателя не обижай, он нас поит, кормит. Солдат не разбойник» [14, с. 17].

Все это полностью укладывалось в рамки концепции политики, проводимой имперскими властями в Беларуси и Литве. Ее основы были сформулированы еще в знаменитом «Наказе» Екатерины II Псковскому и Могилевскому губернаторам об управлении в присоединенных от Польши землях от 28 мая 1772 года. Все мероприятия новой власти, по мнению великой императри-

цы, должны были привести к тому, «чтоб не только сии провинции силою оружия были нам покорены, но чтоб вы (губернаторы. – В.Г.) сердце людей, в оных живущих, добрым, порядочным, правосудным, снисходительным, кротким и человеколюбивым управлением Российской империи присвоили, дабы они сами причину имели почитать отторжение свое от анархической республики Польской за первый шаг к их благоденствию» [13, с. 26–28]. Этот документ предусматривал свободу вероисповедания. Как известно, орден иезуитов, запрещенный в тот период по всей Европе, продолжал спокойно действовать только

Пленение Костюшко в битве под Мацевицами. Картина Яна Богумила Плерша

в одной стране – Российской империи. Суд и расправа вершились по местным законам и на местном языке. Попытки повсеместно отменялись. Население бывших земель Речи Посполитой, присоединенных к Российской империи по второму разделу 1793 года, было освобождено от налогов на два года [15, с. 419–420].

Естественно, на белорусские земли распространялся и мораторий на смертную казнь, введенный в Российской империи еще в 1744 году. Нарушался он лишь в исключительных случаях: после заговора В.Я. Мировича в 1764 году и во время подавления Пугачевского бунта. Восстание 1794 года таким исключением не стало. Пленных повстанцев, вне зависимости от их звания и национальности, не казнили. А.В. Суворов часто и вовсе отпускал пленных, как это произошло с 6000 польских солдат, отпущенных им после взятия Варшавы.

Не был казнен и сам Т. Костюшко. После непродолжительного заключения в Петропавловской крепости, где он пользовался значительной свободой, бывший предводитель восстания был отпущен императором Павлом I, наградившим его 12 тыс. рублей, собольей шубой и шапкой, меховыми сапогами и столовым серебром. При этом Т. Костюшко принес верноподданническую клятву российскому самодержцу и сдержал ее, так и не выступив затем с оружием в руках против России.

Другой руководитель восстания М.К. Огинский, тот самый автор полонеза, не только вернулся после непродолжительной эмиграции в Российскую империю, но даже стал ее сенатором при императоре Александре I.

Наконец, можно ли себе представить, чтобы «озверелые оккупанты» рассматривали жалобы жителей «захваченной территории», в том числе бывших своих противников, на порчу имущества во время боевых действий? Более того, взыскивали сумму ущерба с командующего собственными войсками? Что же это за оккупанты и что же это за оккупация?! А ведь именно так и происходило спустя всего пару-тройку лет после окончания восстания Т. Костюшко.

В июне 1797 года бывший литовский подстолий граф Ворцель подал рос-

сийским властям прошение о возмещении ему ущерба за лес и поташ, уничтоженные в результате действий войск под командованием А.В. Суворова. Несмотря на то, что сам полководец не имел к этому случаю никакого отношения, на его кобринское имение был наложен секвестр для возмещения Ворцелю ущерба в размере 5628 червонцев или 28 000 бумажных рублей. Через полгода после этого случая бывший польский майор Выгановский подал аналогичное прошение о взыскании с Суворова 36 000 рублей якобы за поджог имения во время Крупчицкого боя. Российские власти провели тщательное расследование этого происшествия. Великий полководец был в негодовании: «Я не зажигатель и не разбойник. Война или мир?» В отчаянии он готов был даже начать распродажу драгоценностей, говоря при этом: «В несчастном случае – бриллианты. Я их заслужил. Бог дал, Бог и возьмет и опять дать может». Однако расследование привело к выводу, что претензии Выгановского ничем не обоснованы, а в результате боевых действий в его имении, которое не стоило заявленной суммы иска, пострадал только один ветхий сарай [16, с. 422–423].

КОГДА ПОЯВИЛИСЬ ПЕРВЫЕ «ВРАГИ НАРОДА»?

А вот польские повстанцы вовсе не были так миролюбивы. Фактически в 1794 году на территории, охваченной восстанием, был введен революционный террор. Уже в самом «Акте восстания народа Великого княжества Литовского» был прописан принцип, открывавший дорогу широкому применению насилия: «кто не с нами, тот наш враг» [1, с. 49]. Одной из первых жертв террора стал великий гетман ВКЛ Ш.М. Косаковский, сторонник разрыва унии с Польшей и заключения союза с Российской империей. Его повесили на Рыночной площади в Вильно. Во время совершения казни с показательной речью выступил Я. Ясинский: «Милостивые государи! Произойдет здесь дело, которое запрещается обсуждать, и будет ли оно нравиться кому из вас или нет, каждый обязан молчать, а кто голос свой подаст, будет неотложно на этой виселице повешен» [1, с. 59]. Я. Ясинский и в дальнейшем добивался широкого применения «репресса-

Памятник Т. Костюшко в д. Малые Сехновичи Жабинковского района

лий» по отношению к своим политическим противникам. Был повешен и брат великого гетмана Ю.К. Косаковский, инфлянтский епископ [17, с. 133].

Вскоре «виселицы для врагов народа» (это их официальное название) появились и в других городах и местечках, оказавшихся во власти повстанцев. В постановлении Гродненской порядковой комиссии по этому поводу говорилось: «... на рынке г. Гродно поставлена виселица с надписью на одной стороне – «Смерть изменникам Отечества», а на другой – «Страшись, изменник», признавая в том установленном орудии смерти честный и добрый способ мышления и любви к своему отечеству во время настоящего восстания из неволи нашего Отечества» [7, с. 56–57]. Чтобы любовь к Отечеству в гражданах не угасала, повстанцы учредили репрессивные органы для организации и проведения террора. Главным из них стала Депутация публичной безопасности. Учреждался также Криминальный суд, который был призван карать «изменников Отечества, его восстанию противных, советом или заговором каким-нибудь угрожающих, и тех, кто Отечеству своему уже виноваты» [1, с. 53]. При этом все дела разбирались в течение 24 часов. Мера наказания была только одна – повешение.

Повстанческие власти ввели цензуру, была также ограничена свобода слова, «чтобы никто легкомысленными и запальчивыми речами не подстрекал, не распалял народ и не возбуждал его к каким-нибудь акциям, нарушающим общественное спокойствие» [7, с. 55–56]. Следить за соблюдением «общественного спокойствия» должны были всё те же отделы безопасности.

Повстанцы проводили настоящие карательные операции. В Ошмянском повете некий шляхтич Т. Городенский сразу же после победы восстания в Вильно организовал отряд, с которым отправился мстить своим соседям, отказавшимся примкнуть к восстанию. Пролив немало крови, Т. Городенский бежал в Вильно [18, с. 767]. Жестоким расправам подвергались пленные русские солдаты. В Варшаве русский гарнизон был почти полностью вырезан восставшими. При этом убивали причащавшихся в церкви безоружных солдат, находившихся рядом женщин и маленьких детей [19, с. 503].

Это факты, подтвержденные документами, историческими источниками, свидетельствами очевидцев. А вот рассказы о том, что А.В. Суворов приказывал «расстреливать жителей Кобрина и Малориты, прогонять их через строй», как это иногда пишут, ничем не подтверждены. В публикациях подобного рода вы не найдете ни сноска, ни списка источников – их попросту не существует. Единственным эпизодом, действительно подтвержденным источниками, является уничтожение казаками из корпуса А.В. Суворова остатков отряда К. Сераковского в Крупчицком монастыре кармелитов. Тогда в скоротечной рубке погибло около четырехсот повстанцев. Причем непонятно, кто же это был. Одни пишут про косинеров, другие про всадников под командованием К. Рушчица. Так или иначе, речь не шла ни о каком истреблении мирных жителей. В монастырь пришли вооруженные люди, которые отказались сдаться. Сам А.В. Суворов писал о тех событиях: «Разбежавшихся при сражении в леса, кои не сдаются и сами не являются, перестреливают поныне егеря и иная пехота, как то в болотах, кои в них не потонули» [20, с. 160, 162]. Война есть война: на ней не в бирюльки играют. Широко распропагандированным «фактом зверств» суворовских войск является штурм варшавского предместья Прага. В данной статье мы не будем подробно останавливаться на этом драматическом эпизоде, поскольку он не имеет прямого отношения к Беларуси. Тем более, что по этому поводу существует большое количество разнообразных публикаций, как обвиняющих А.В. Суворова и его солдат, так и оправдывающих их действия. Одна из лучших за последнее время – статья «Историческое мифотворчество» Е.В. Бабенко, директора Кобринского военно-исторического музея имени А.В. Суворова [21]. Что же до жертв среди мирного населения, то пусть каждый сам для себя ответит на следующий вопрос. Может ли остаться невредимым мирное население во время штурма крепости, в которой находится около 17 тыс. человек гарнизона, более 100 орудий, да еще сами жители, взявшие в руки оружие? А все это имело место в Праге, превращенной в первокласную крепость, по признанию

Кобринский военно-исторический музей имени А.В. Суворова

ЛИТЕРАТУРА

1. Емельяныч, У. Паланез для касінераў: (3 падзей паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі на Беларусі) / У. Емельяныч. – Мн., 1994.
2. Konstytucja 3 maja. – [Электрон. рэсурс]. – Режим доступа: http://pl.wikisource.org/wiki/Konstytucja_3_maja.
3. Анішчанка, Я.К. Збор твораў. У 6 тт. – Т. 1: Камісары Касцюшкі: Дакументы паўстання 1794 г. у Літоўскай правінцыі / Я.К. Анішчанка. – Мн., 2004.
4. Восстание и война 1794 г. в Литовской провинции (по документам архивов Москвы и Минска) / Сост., ред. и предисл. Е.К. Анищенко. – Мн., 2002.

5. Ерашэвіч, А. Палітычныя праекты адраджэння Рэчы Паспалітай і Вялікага Княства Літоўскага ў палітыцы расейскага царызму на працягу вайны 1812 г. / А. Ерашэвіч // Гістарычны альманах. – Гародня, 2002. – Т. 6. – С. 84–96.
6. Игнатенко, А.П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией / А.П. Игнатенко. – Мн., 1974.
7. Анішчанка, Я.К. Збор твораў. У 6 тт. – Т. 2. Імем Айчыны: Дакументы паўстання 1794 г. у Літоўскай правінцыі / Я.К. Анішчанка. – Мн., 2004.
8. Бензярук, А. Крупчыцкая бітва / А. Бензярук // Польша. – 2009. – № 3. – С. 193–199.
9. Ogiński M. Pamiętniki Michała Ogińskiego o Polsce i Polakach od roku 1788 aż do końca roku 1815. – Poznań, 1870. – Т. 1.
10. Восстание Костюшко на Полесье. Крупчицкая битва. (Отрывок из книги Станислава Хербста «Z dziejów wojskowych powstania kościuszkowskiego 1794 roku». Warszawa, 1983) // Гістарычная брама. – 2004. – № 1 (22). – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://brama.bereza.by/numer22/artic03.shtml>.
11. Де-Пуле, М. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 годах / М. Де-Пуле. – 2-е изд. – СПб, 1871.
12. Похилевич, Д.А. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века / Д.А. Похилевич. – Вильнюс, 1966.
13. Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов. – Мн., 1961. – Т. 3.
14. Суворов в слове пастырей Церкви. – СПб, 1900.
15. Полное собрание законов Российской империи. – СПб, 1830. – Т. XXIII.
16. Петрушевский, А.Ф. Генералиссимус князь Суворов / А.Ф. Петрушевский; предисл. А.И. Кузьмина. –

самих же поляков [22, с. 357]. И кто виноват в гибели мирных жителей: штурмующие или руководители обороны, оставившие на передовой простых обывателей? Тем не менее, как бы кто ни живописал «суворовские зверства», большая часть и населения, и домов Праги уцелела. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что после сражения именно в этом предместье были размещены на постой некоторые подразделения русских войск. Отпустили на волю и большую часть пленных. Вот такая вот «изверская резня»!

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНИЕМ

Почитаешь некоторые публикации – и диву даешься! Блестяще образованные офицеры, носители передовых идей, «опирающиеся на народную поддержку», вдруг потерпели поражение от «отсталых московских дикарей». Как такое может быть? Объяснение находится простое – подавляющее, просто неслыханное численное превосходство русских войск. Как всегда, задавили массой, завалили трупам.

В качестве примера приведем Крупчицкое сражение 17 сентября 1794 года – самое крупное боевое столкновение в ходе восстания на территории Беларуси.

С войсками А.В. Суворова все понятно – по точным данным вместе с подкреплениями, полученными по дороге к Кобрину, они насчитывали около 11 тыс. человек. Путаница возникает с численностью войск повстанческой дивизии К. Сераковского. Сам А.В. Суворов писал о 16 тыс. человек с 28 орудиями. Известный русский историк А.Ф. Петрушевский исчисляет отряд К. Сераковского в 13 тыс. [16, с. 276]. Польский историк С. Хербст пишет уже о примерно 5 тыс. войск К. Сераковского [10]. Белорусский историк В.П. Емельянчик в монографии «Паланез для касинераў» писал о 10 тыс. человек и 28 орудиях [1, с. 113]. В своей статье об этом сражении в «Энцыклапедыі ВКЛ» он пишет уже более отбегая, что «с обеих сторон участвовало около 20 тысяч человек» [23]. Но в том же издании А.П. Грицкевич утверждает, что корпус Суворова более чем в два раза превосходил силы повстанцев [24, с. 416]. А. Бензерук пишет о том, что под Крупчицами у К. Сераковского было всего 4 тыс. человек, то есть 13 эскадронов и 5 батальонов,

а также 26 орудий, а Суворов превосходил его силы в три раза [8, с. 194]. Кто знает, может где-то пока неизвестный художник-баталист уже нарисовал масштабную диораму, на которой несметные суворовские полчища насаждают на маленькую горстку бойцов К. Сераковского?

На самом деле никакого не то чтобы подавляющего, а даже значительного или относительного превосходства в численности у русских войск в той войне не было. К моменту начала вооруженного выступления русские войска на территории ВКЛ состояли из двух отрядов: генерала Н.Д. Арсеньева в Вильно и генерала П.Д. Цицианова в Гродно, Новогрудке и Слониме. Общая численность русских войск составляла около 11 тыс. человек, то есть была равной армии ВКЛ. При этом россияне имели превосходство в артиллерии, а литовские силы – в кавалерии [25, с. 131, 136, 139]. Польский историк К. Бартошевич подсчитал, что в русской армии в Короне и Литве насчитывалось всего 45 тыс. человек, в корпусе Суворова к моменту штурма Праги – 15 тыс. Численность армии Костюшко он определяет в 64–70 тыс. человек [22, с. 328–329]. Правда, была еще союзная России 50-тысячная прусская армия, действовавшая в Великопольше. Однако там происходила очередная «странная война», что доказывается как крайне неудачными и пассивными действиями пруссаков в районе Варшавы, так и тем, что Костюшко держал в Великопольше относительно небольшой по численности отряд.

Русские войска одержали победу в полном соответствии с военным учением А.В. Суворова: не числом, а умением. Она была достигнута благодаря гению самого великого полководца, а также военному мастерству его воспитанников, поколению «екатерининских орлов», прошедших школу Очакова и Фокшан, Рымника и Измаила. Великолепные боевые качества русских войск были испытаны затем на полях Италии и в швейцарских горах в боях с вооруженной силой нового типа – французской революционной армией. И испытание это выдержали успешно.

НЕ ПОРОЗНЬ, НО ВМЕСТЕ

Многие из приведенных в данной публикации примеров взяты из работ сторонников теории о «белорусскости» Ко-

стюшко и «кровавом палаче» Суворове. Их авторы попросту не могли игнорировать документальные источники. Однако, делая выводы, почему-то «забывали» целые пласты исторических фактов. В результате такая цепочка «забытых» фактов и приводит к искажению и фальсификации истории.

И это вовсе не случайность, а осознанная деятельность с целью изменения национальной идентичности белорусского народа, его исторической памяти. Мы имеем дело с очередной попыткой искусственно вырвать белорусов из ареала восточнославянской цивилизации, а для этого очернить, сделать враждебными всех русских героев и искусственно «белорусизировать» героев польских, установив синонимическую связь между понятиями «Речь Посполитая» и «белорусская держава». Естественно, конечная цель – создание «культурно-исторического» базиса для кардинального изменения внутри- и внешнеполитического курса белорусского государства. Эту тенденцию раскрыл и на фактах показал в своей статье «Выбор нации» на страницах «Беларускай думкі» отечественный историк Я.И. Трещенок [26, с. 68–75].

А.В. Суворов писал: «Я забывал себя, когда дело шло о пользе Отечества» [27, с. 76]. Наверняка под этими словами подписался бы и Т. Костюшко, и многие из его сподвижников. В данной статье ни в коем случае не ставилась цель очернить повстанцев 1794 года. В большинстве своем это были искренние, бескорыстные и честные люди, беззаветные патриоты, но не Беларуси, а той страны, которую они считали своей Родиной – Польши. После долгих лет анархии, национальной и религиозной нетерпимости польский народ пробудился и с оружием в руках встал на защиту своего Отечества. В этом смысле его борьба была справедливой. Именно в тот период происходило формирование новой польской нации. К сожалению, формирование это шло за счет искоренения этнической самобытности прочих народов, проживавших на территории Речи Посполитой, прежде всего белорусов, украинцев и литовцев. Возрождение Польского государства в 1918 году и история притеснения национальных меньшинств во времена II Речи Посполитой это убедительно доказали.

Попытки столкнуть в белорусской истории образы Суворова и Костюшко на редкость контрпродуктивны. Внимательное изучение программы восстания 1794 года показывает, что его успех привел бы к абсолютной колонизации Беларуси и исчезновению белорусского народа как самостоятельного этноса. Победа суворовских войск изменила такую логику событий. Ведь именно острейшая борьба двух великих национальных идей – российской и польской, местом столкновения которых была наша земля, и привела в середине XIX века к зарождению самостоятельной белорусской идеи. Поэтому некрасиво и неблагоприятно оплевывать память покойного великого полководца, настоящего военного гения, истинного христианина, вобравшего в себя все лучшие черты русского характера. Кто знает, может быть, пройдет время, и мы сможем поставить свечу перед иконой нового православного святого-воина Александра? Ведь канонизировала же Церковь недавно современника Суворова адмирала Федора Ушакова.

Но и Костюшко – фигура символичная и знаковая для нашей истории. Даже само его рождение и становление как личности символизирует трагедию белорусской шляхты, ополяченной, утратившей связь со своими народными корнями, забывшей быт, язык и веру своих предков. Но мы вправе гордиться тем, что на нашей земле родился великий сын и герой польского народа.

Т. Костюшко умер в Швейцарии, той самой стране, где в этом году отмечали юбилей Альпийского похода А.В. Суворова. В маленьком европейском государстве уважительно относятся к двум выдающимся историческим персонажам: и русскому, и поляку. Их память одинаково почитается и должным образом увековечена. Так не пора ли и нам, белорусам, перестать сталкивать этих двух великих людей, тревожа их вечный покой, а начать относиться к ним как к символам нашей непростой и противоречивой истории. Тем более что на поле сражения два военачальника никогда не встречались, а вот места в Беларуси, связанные с их именами (Кобрин и Меречевщина), находятся так близко...

Вадим ГИГИН,
кандидат исторических наук ■

Перепеч. с изд. 1900 г., изд. 2-е, испр. – СПб., 2005.

17. Рункевич, С.Г. Письма к разным лицам преосвященного Виктора Садковского, первого менского архиепископа / С.Г. Рункевич. – Минск, 1893.

18. Энгель, А. Описание дел, хранящихся в архиве Виленского генерал-губернаторства / А. Энгель. – Вильно, 1870. – Т. 1. – Ч. 2.

19. Ковалевский, П.И. Психиатрические эскизы из истории: В 2 тт. / П.И. Ковалевский – Т. 1. – М., 1995.

20. Польская война 1794 г. в реляциях и рапортах А.В. Суворова // Красный архив. – 1940. – Т. 4.

21. Бабенко Е.В. Историческое мифотворчество. – [Электрон. ресурс]. – Сайт выпускников МНСВУ. – Режим доступа: <http://mnsvu.org/index.php?option/content/task/view/id/141/catid/71/Itemid/58>.

22. Bartoszewicz, K. Dzieje Insurekcji Kościuszkowskiej / K. Bartoszewicz. – Wiedeń, 1909 – [Reprint nakładem Wyd-wa Kurpisz S.A. w Poznaniu, 2002].

23. Емельяныч, У. Крупчыцкі бой 1794 // Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя. У 2 тт. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – С. 148.

24. Грыцкевіч, А. Паўстанне 1794 // Вялікае княства Літоўскае: Энциклапедыя. У 2 тт. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; Маст. З.Э. Герасімовіч. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – С. 414–417.

25. Sulek, Z. Sprzysiężenie Jakuba Jasińskiego / Z. Sulek. – Warszawa, 1982.

26. Трещенок, Я.И. Выбор нации / Я.И. Трещенок // Беларуская думка. – 2007. – № 11. – С. 68–75.

27. Александр Васильевич Суворов / Сост. и предисл. В.И. Десятерик. – М., 1995.